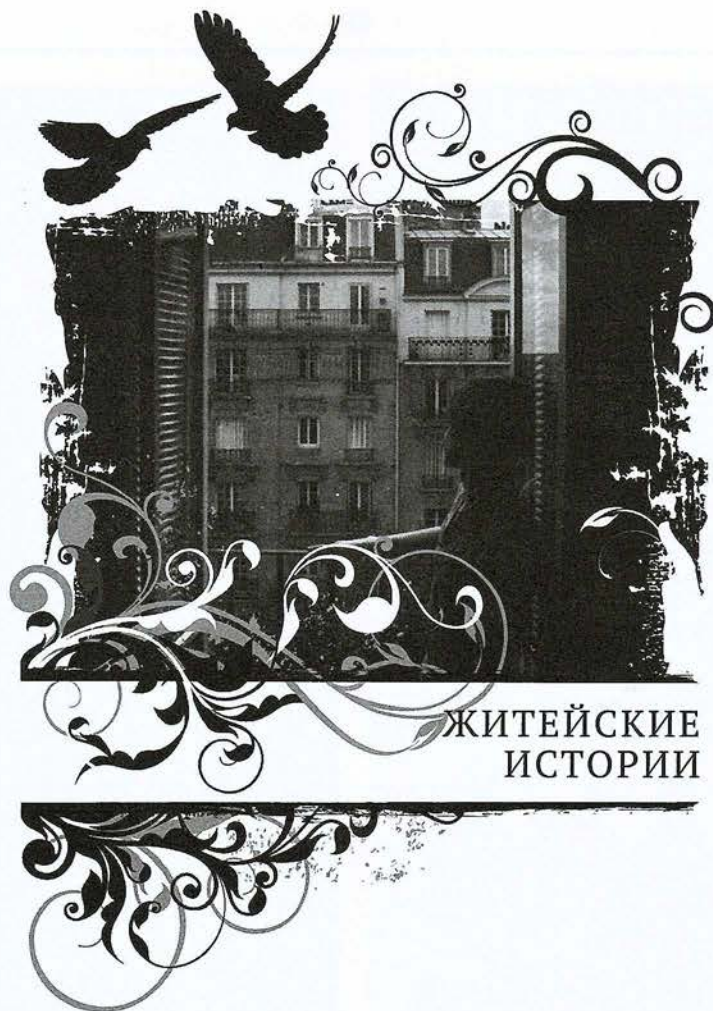

ЖИТЕЙСКИЕ
ИСТОРИИ

Геннадий ДРОЖДИН

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ...

Автобиографический рассказ

Зима, холод, пурга. К вечеру вьюга разыгралась не на шутку. Двое путников на лыжах сквозь мглу пробирались в соседнюю деревню к тётке Кате – деревенской акушерке. Медлить было нельзя. Роды вот-вот начнутся, а до станции Гумбейки вёрст двадцать, там располагался медицинский пункт. Поэтому было решено, что принимать роды будет бабка-повитуха Екатерина, так как на санях в хорошую погоду до её жилья минут 15–20. Но уральская суровая зима вносила в планы спутников свои коррективы.

Дорогу занесло. От белизны снега и встречного ветра слепило глаза. Старые шубёнки путников не выдерживали натиска холода. Старший, Леонид, лет семнадцати, шёл впереди, прокладывая лыжню; за ним еле плёлся его младший двенадцатилетний братишка Илья. Это были братья Марии-роженицы.

Наконец вдали показались чуть заметные огоньки деревеньки под названием Бурановка. Дом бабушки Кати располагался на окраине селения. Взмолвленная и перепуганная непрошеными гостями, она вначале пыталась отказаться от предстоящего путешествия, ссылаясь на больные ноги и

отсутствие надлежащего транспорта. Но упрямые и настойчивые братья Старковы обязались доставить её к роженице на санках, стоящих без дела в старом сарае.

Роды прошли успешно, несмотря на то что мальчик появился на свет Божий досрочно, родился семимесячным, весом не более двух килограммов, доставив родителям хлопоты по спасению новорожденного.

Сие событие произошло в ночь на 29 декабря 1947 года на Южном Урале, на разъезде Скляр, где редко останавливались даже пригородные поезда.

Мальчика с пальчик решили назвать Петром, в честь его прадеда Петра Степановича из Тверской губернии. Отец новорождённого, Алексей Иванович, работал в то время по охране железнодорожного моста через реку Гумбейку, которая впадает в реку Урал. Скляр-разъезд – два барака, в которых проживали железнодорожники-путейцы. Ни магазина, ни почты, ни школы, и вообще других строений не было.

Зима с 1947 на 1948 год выдалась очень морозной, с буранами и метелями, так что регистри-

Шестимесячный Гена на руках, 1948

ровать рождение Петра поехали в сельский совет только в конце января 1948 года. Со слов матери Марии Ивановны указали дату рождения 1 января.

Условия проживания младенца в бараке были спартанские. Спал он на груди отца; так как в комнате иногда была температура не более шестивосьми градусов тепла. Но когда потеплело, отец смастерил Петру собственное ложе. С одной стороны – колыбель на верёвочках, подвешенных к потолку, с другой – материнская грудь. Наш первенец немного пососёт, немного поспит да растёт себе помаленьку.

В детстве Пётр был непоседа, всё его тянуло на подвиги. Пару раз с крыши сарая катапультировался во время битвы с пчёлами. Пятясь назад, не заметил край крыши – и плюх в жидкую грязь! Отец Петра строгий закалки был, не терпел непослушания и проказ детей, а их было уже пятеро. Отслужив в НКВД девять лет, поддерживал в семье строгую дисциплину: «Я вам покажу, как с пчёлами воевать да по крышам лазать!» – изрекал он. «Если бы сразу убился, то ещё ничего! А то ведь покалечишься, сукин ты сын!»

Шёл 1955 год. Добрая и заботливая мама ранним солнечным утром отвела Петра за ручку в 1-й класс. Школа-семилетка была непростая. Учились в ней в основном дети железнодорожников. Елизавета Васильевна, школьная учительница, вела сразу два класса: 1-й и 3-й, затем 2-й и 4-й. Так что детей рассаживали из разных возрастных групп. Петьку усадили с третьеклассницей Анькой, от которой ему за ненадлежащее поведение в учёбе доставались оплеухи по затылку.

Постепенно учёба пошла своим ритмом. До Нового года писали карандашом, учили букварь, читали по слогам. В далёкой глубинке мало кто из родителей до школы учил детей грамоте, ибо среди них было много малограмотных. Отец Петра, Алексей Иванович, закончил всего полкласса, умел лишь читать и расписываться. Счёт вёл только устно.

Учёба в школе доставалась с трудом: из-за лени и постоянных хозяйственных дел со скотиной уроки не учились. Пётр часто получал двойки и тройки за невыученные задания; оставался заниматься после основных уроков. Из-за болезни и других причин во втором классе чуть не оставили на второй год.

Из событий детства в памяти Петрухи осталось множество воспоминаний, особенно врезалось одно происшествие. Отец Алексей Иванович, как истинный крестьянин, кроме рогатого скота и овец содержал ещё и лошадь. Уход за ней возлагался на старшего сына, которому к тому времени исполнилось уже 10 лет.

Ранним утром, отыскав на дальнем пастбище своего подопечного и обуздав его, Пётр вскочил на своего любимца. Конь ретивый был, молодой, не любил неопытных наездников. Летел галопом по полю вдоль телефонных столбов. Чтобы избавиться от наездника, Васька – так звали коня – пошёл на таран, прямо на столб. Не успев затормозить, «неопытный кавалерист» задел ногою за преграду и отлетел в сторону. От шока, потеряв сознание, наш герой пролежал около часа. Недельку хворал и столько же хромял.

Гена с братом Фёдором и другом

Горький опыт, увы, не научил Петра осторожности и благоразумию. Уже ближайшей зимой его поджидало следующее приключение.

Зимой ровная, как стол, степь покрывается снегом, и, если не ставить вех, легко сбиться с дороги, особенно ночью. Один раз, где-то на зимних каникулах, он гостил в деревне у бабушки. По какой-то причине заторопился домой, на станцию Гумбейку. На улице позёмка только началась, предвещая метель и буран, время послеобеденное. Бабуля и дядьки, предчувствуя беду, домой не пустили. Но упрямый мальчонка, не послушав совета взрослых, обманном путём вышел на улицу – и напрямик домой. Не пройдя и километра пути, заблудился. Метель переросла в буран. На метр впереди ничего не видно. Пройдя ещё с час, понял, что и назад дорогу не найдет. А зимой рано темнеет. Сквозь слёзы вспомнил родителей: будут любимую бабулю ругать, если меня найдут замёрзшим.

Каждый год в тех местах по несколько человек в буран погибали. Мороз за двадцать, сильный ве-

Г
тер. Д
клони
ногал
кавил
с Бож
ся, ки
ку за
я
обмо
остал
ка Ан
стоял
но ум
моли
му ма
П
Д
М
В
З
В
М
В
В
Н
Т
Н

Гена с любимым конём по кличке Васька, 1956

тер. Долго подросток шёл наугад по степи, сильно клонило в сон, холод уже не чувствовал. Вдруг под ногами обнаружил что-то твёрдое, разгрёб снег рукавицами – рельсы. Сориентировался и по рельсам, с Божьей помощью, до станции добрёл. Оказывалось, километров десять в сторону от дома мальчонку занесло.

Явился, к удивлению родителей, поздно ночью: обмороженные руки, ноги. На ушах на всю жизнь остались узорчатые следы от того бурана. Бабушка Анна Кузьминишна всю ночь на коленях простояла перед образами Спасителя и святых, слёзно умоляя о спасении отрока Петра. Господь внял молитве рабы Божией и продлил жизнь непутёвому мальчишке.

*Передо мной летит
Даль безбрежная;
Мне глаза слепит
Вьюга снежная.
Занесло в пути
Все дороженьки,
Мочи нет идти,
Вязнут ноженьки.
В степи нигде огня
Не виднеется,
Только вокруг меня
Ночь чернеется.*

Рано утром из деревни Буранной на двух санях дядя Петра приехали, уже не надеясь своего племянника живым застать... Несказанно рады были, что всё обошлось.

С пятого класса мальчик действительно начал взрослеть. Проблем в школе стало меньше. Появились новые предметы: литература, история, география. По этим предметам Петруха был в первых рядах: пятёрки чередовались с четвёрками, дела шли на лад. Но с точными науками, с алгеброй и геометрией, он не дружил. Запоями читал книги вместо надлежащей подготовки к урокам. Иногда находили Петра за книгой на чердаке, сеновале, а дома, прикрыв интересную литературу учебником, украдкой читал то, что не требовали в школе. Попадало от отца семидырным ремнём. Ругаясь, он изрекал: «Не хочешь учиться – пастухом пойдёшь. Мне в начале двадцатых с голода и отсутствия надлежащей обуви учиться не пришлось, работал подпаском, а тебе что мешает?»

Вот так пролетели золотые годы детства и отрочества мальчика из далёкой уральской глубинки.

Большая дружная семья Дрождиных на берегу Волги

В 1961 году, в мае, семья Петра, состоящая из семерых человек, переехала на постоянное место жительства в рабочий посёлок Старая Майна. Впервые перед мечтательным юношей предстала великая русская матушка-Волга. Загорелся пройти её вдоль и поперёк. Душа торжествовала от увиденной красоты. Крутые берега левобережья, леса, необъятный простор водной глади, караваны судов и плотов завораживали трепещущее сердце юноши. Воспетая Некрасовым и другими поэтами, величая река Волга манила к себе романтиков и путешественников.

Здесь Пётр впервые начал писать свои первые стихи:

*Уехал я, прости, Урал,
В тот край, которого не знал,
Мне полюбился теплоход,
который,
Широко волны рассекая,
Весь берег пеной обдаёт
И тёплым ветерком ласкает...
Нам Волга – мать. Нам Волга – дом.
Некрасов в детстве убежать
Любил к зелёным берегам
И в волны камешки бросать,*